

Ань Цзыцзэ пребывал в полном смятении. Ань Цин, исподтишка наблюдая за родным братом, ехидно усмехалась: ну и к чему этот маскарад? Неужели он всерьез думает, что никто ничего не замечает?

Матушка Ань, женщина опытная и проницательная, повидавшая на своем веку немало, разве могла не заметить очевидного? Ответ был ясен: конечно, нет. Лицо её помрачнело еще сильнее. Сначала она грешным делом подумала, что это дочь сохнет по юному Фан Цзиню, но теперь стало ясно: не дочь к нему равнодушна, а сын. И это казалось еще более нелепым.

Больше всего её раздражало поведение сына, который, судя по всему, даже в собственных чувствах разобраться не мог. Неужели это действительно её ребенок? Где же решительность, унаследованная от родителей? В своё время она с мужем влюбилась друг в друга с первого взгляда и тут же поженилась, а тут — такая бесхребетность! Сестра уже вовсю плетет интриги, чтобы заманить Фан Цзиня в дом, а он даже шансом воспользоваться не может. Да сын ли он ей вообще?

Матушка Ань кипела от возмущения, даже не заметив, что её собственные мысли уже давно ушли совсем не в ту сторону.

Глава 24. Неосознанность

Фан Цзинь украдкой взглянул на главных действующих лиц этой семейной драмы и опустил голову. Что и говорить, всё семейство — сплошь чудаки.

Он слегка отстранил от себя прильнувшую Ань Цин. Девушка хихикнула, разжала руки и послушно уселась рядом с матерью, наблюдая за двумя героями, которых она сама же и загнала в ловушку.

Матушка Ань тяжело вздохнула. Ну что же, сынок, пора бы тебе уже включить голову.

Ань Цзыцзэ, безусловно, обладал высоким интеллектом. Однако, несмотря на поразительную интуицию в делах, когда дело касалось лично его — особенно Фан Цзиня — его ум и эмоциональный интеллект словно отказывали.

— Ты... Цзинь, ты пришел.

— Угу.

Лицо матушки Ань стало еще мрачнее. Что значит пришел? Разве так разговаривают? Ты что, выпроводить его хочешь? И вправду, точно ли он её сын? Может, в роддоме перепутали?

В отличие от невозмутимой матери, реакция Ань Цин была куда более бурной. Она с досадой уставилась на непутевого брата: если нравится человек, так и скажи, к чему эти ломания?

Но как бы ни бушевали страсти в душах матери и сестры, на самих виновниках это никак не отразилось. Ань Цзыцзэ произносил фразы не длиннее десяти слов, а Фан Цзинь отвечал вежливо и лаконично — не более пяти слов на реплику.

Ань Цзыцзэ чувствовал себя крайне неловко. Он и сам не понимал, почему ведет себя так странно. Еще сегодня утром он чувствовал себя рядом с Фан Цзинем вполне непринужденно, а теперь слова застревали в горле. Он еще не осознавал, что значит робость перед тем, кто тебе дорог. Именно в тот момент, когда человек начинает по-настоящему понимать свои чувства, появляется эта неловкость, которая и стала причиной странного поведения Ань Цзыцзэ.

Сам он об этом даже не догадывался.

Едва они обменялись парой фраз, Фан Цзинь поднялся, чтобы уйти. Ань Цзыцзэ лишь слегка кивнул в ответ, не пытаясь его задержать. Ань Цин и её мать с досадой переглянулись: что он творит? Неужели так легко отпустил его? Неужели не понимает, что происходит? Куда делся его интеллект?

Ань Цзыцзэ, погруженный в свои мысли, не замечал взглядов сестры и матери.

После ухода Фан Цзиня Ань Цзыцзэ еще долго не мог прийти в себя. Однако, когда он наконец осознал происходящее, на его лице застыло решительное выражение. Разумеется, он просто считает Фан Цзиня своим другом, очень важным другом. Именно поэтому он следит за каждым его движением — так же, как всегда замечает Сюй Чу, когда тот появляется в отеле в компании сомнительных друзей. А раз уж его сестра проявляет к Фан Цзиню интерес, то нет ничего странного в том, что он заботится о них обоих. И если внутри у него что-то сжалось, то лишь оттого, что сестра скоро станет принадлежать другому. Да, именно так, и никак иначе.

Эта мысль показалась Ань Цзыцзэ вполне логичной. Он мгновенно вернул себе привычный мягкий вид, хотя в глубине души продолжал считать себя человеком с темной натурой. Ань Цин и матушка Ань, наблюдавшие за переменами в лице брата, лишь в сердцах вздохнули: безнадежен.

После того случая на баскетбольной площадке Фан Цзинь не ожидал, что снова встретится с теми людьми. Однако вскоре он начал замечать, что кто-то крадется за ним по пятам. Преследователь вел себя скрытно, но явной враждебности не проявлял. Раз уж Чжан Кай не выходит на прямой контакт, Фан Цзинь решил делать вид, что ничего не замечает. Но стоило ему выйти из дома семьи Ань, как ощущение чужого присутствия стало почти осязаемым.

Вскоре этот человек решился показаться.

Как только Фан Цзинь вошел в свою закусную, преследователь тут же последовал за ним. Это был первый раз, когда он осмелился войти внутрь. Фан Цзинь лишь слегка приподнял бровь, но ничего не сказал. Увидев, что Чжан Кай в нерешительности застыл на пороге, Фан Цзинь решил взять инициативу на себя.

— Чего стоишь? Разве не есть пришел?

— А... да, — пробормотал тот, явно растерявшись.

Усевшись за стол, Чжан Кай вдруг опомнился: почему он так послушно выполняет приказы? Он хотел было вскочить, но, увидев, как неторопливо приближается Фан Цзинь, снова замер. Он не понимал, что происходит, ведь ему вовсе не обязательно было слушаться этого человека.

Аура Фан Цзиня была настолько сильна, что подчинить себе случайного человека не составляло для него труда. Чжан Кай, хоть и был парнем гордым, всё же оставался студентом, лишенным той зрелой уверенности, что была у Фан Цзиня, поэтому невольно оказался под его влиянием.

— Что будешь заказывать? — тон Фан Цзиня был обиденным, словно Чжан Кай был самым заурядным клиентом.

Чжан Кай чувствовал себя крайне неловко. Чем спокойнее вел себя Фан Цзинь, тем сильнее Чжан Кай смущался из-за своих недавних шпионских выходов и прошлых провокаций. Он опустил голову еще ниже. Почему раньше, совершая ошибки, он не чувствовал себя так паршиво?

Чжан Кай еще не понимал, что при достаточно сильной личной ауре подобные вещи происходят сами собой. Конечно, у его собственных родителей тоже была сильная аура, но как к ребенку они относились к нему с нежностью, и этот напор всегда смягчался.

— Э-э, ну, что-нибудь, — ответил Чжан Кай.

Фан Цзинь приподнял бровь:

— Тогда приготовлю на свой вкус.

— Угу.

Чжан Кай ответил рассеянно — мысли его были совсем не о еде. Фан Цзинь, не обращая внимания на его состояние, ушел с меню. Чжан Кай проводил его спину украдкой, словно хотел что-то сказать, но так и не решился.

Фан Цзинь быстро приготовил несколько простых домашних блюд, избегая морепродуктов и всего, что могло вызвать аллергию. Поставив тарелки перед Чжан Каем, он коротко бросил:

— Попробуй.

Чжан Кай кивнул, но выглядел совершенно безучастным. Однако, стоило ему попробовать первый кусочек, как выражение его лица изменилось. Человек, который только что ел без всякого интереса, вдруг принялся жадно поглощать еду.

Для повара нет ничего приятнее, чем видеть, как его блюда ценят по достоинству. В закусочной больше никого не было, и Фан Цзинь сел напротив, наблюдая за тем, как Чжан Кай уплетает обед. Даже три главных красавца университета очень любили его стряпню, но никогда не теряли самообладания до такой степени. К тому же, наевшись, они вечно требовали чего-то нового. Хотя Фан Цзинь и был мастером на все руки, его закусочная имела свои пределы, и, честно говоря, ему иногда становилось обидно. Когда вкладываешь душу, а не получаешь ожидаемого отклика, это действительно неприятно.

Чжан Кай, продолжая жадно есть, украдкой поглядывал на Фан Цзиня. В конце концов он отложил палочки.

— Что такое? Невкусно? Или не привык к такой еде? — спросил Фан Цзинь.

Чжан Кай покачал головой, еще раз взглянул на него и тихо спросил:

— Ты... ты не рад?

Фан Цзинь с удивлением посмотрел на него. Никто никогда не замечал его грусти, даже Ань Цзыцзэ. Он понимал мысли Ань Цзыцзэ, но это было невозможно — ни с какой точки зрения. Он сам был лишь странником в этом огромном мире, где каждый мог стать главным героем, а он давно потерял свой собственный мир и опору. Никто не хочет быть одинокой щепкой в океане, и Фан Цзинь, конечно, тоже...

Он был грустен, это правда. И хотя это было его решение... он ни о чем не жалел, но радости не было. Никто по-настоящему не понимал, что он за человек.

Он был одинок.

Вдруг Фан Цзинь улыбнулся — улыбкой необычайной красоты, совсем не такой, как обычно. Чжан Кай замер, завороченный.

— Спасибо, — Фан Цзинь внезапно поднялся, потрепал Чжан Кая по голове и направился на кухню.

Чжан Кай опешил. Что он такого сделал? Он лишь заметил в глазах этого человека отголоски тоски и спросил об этом. Неужели он сказал что-то не то?

Фан Цзинь не ожидал, что Чжан Кай поймет его внутренний мир, но одно лишь это искреннее проявление заботы заставило его сердце дрогнуть. И правда, этот мальчишка — неплохой парень.

Чжан Кай долго топтался на месте, пытаясь осознать, в чем же он провинился. Вспомнив, ради чего он всё это время следил за Фан Цзинем, как шпион, он глубоко вздохнул, набрался храбрости и направился к кухне.

— Т-то самое... я наелся...

Когда дело дошло до главного, слова застряли в горле. Что делать? Срочно нужно решение!

Фан Цзинь приподнял бровь, отложил лопатку, подошел к Чжан Каю, протянул обе руки и крепко ухватил его за щеки, растягивая их в разные стороны. Фан Цзинь был доволен, а у Чжан Кая покраснели уголки глаз — больно же!

— Ладно, чего бы ты ни хотел от меня, я согласен.

— А-а? — из-за растянутых щек голос Чжан Кая прозвучал странно.

Фан Цзинь рассмеялся и начал теревить его за лицо. Если подумать, иметь такого младшего брата, как Чжан Кай, было бы неплохо — с ним весело.

Чжан Кай всё это время следил за ним, потому что хотел, чтобы Фан Цзинь научил его играть в баскетбол. Он всегда питал страсть к спорту. Его прежняя заносчивость была отчасти вызвана тем, что он постоянно проигрывал Ань Цзыцзэ в своем любимом виде спорта. Ань Цзыцзэ всегда смотрел на его игру с пренебрежением, что выводило Чжан Кая из себя, и он вечно искал повод зацепиться, снова и снова вызывая того на баскетбольный поединок. И каждый раз проигрывал, а Ань Цзыцзэ продолжал смотреть на него свысока. Даже в тот раз, когда он нарочно затеял ссору с Ань Цзыцзэ, но мяч полетел в Фан Цзиня — он снова проиграл, но на этот раз обиды не было.

Чжан Кай не был глуп, у него была отличная интуиция. Он чувствовал, что Ань Цзыцзэ его презирает. А Фан Цзинь... хоть он и не ровня ему по происхождению, но когда он смотрел на него, в его глазах не было ни капли отвращения. Даже если Фан Цзинь был полон энергии, это не вызывало у Чжан Кая протеста — если бы так на него смотрел Ань Цзыцзэ, он бы уже взорвался от ярости.

Взгляд Фан Цзиня был полон снисходительной нежности, словно он смотрел на младшего брата. Это пугало Чжан Кая, но в то же время приносило радость. В его семье не было места теплым чувствам: он был старшим сыном, на которого возлагали слишком большие надежды, и это было невыносимо. Он часто думал, как было бы здорово иметь старшего брата, который бы о нем заботился.

Что ж, он признавал: он не только хотел научиться играть в баскетбол. Он просто хотел быть рядом с Фан Цзинем, хотел, чтобы его баловали. Он был избалованным молодым господином, и он имел на это право.

Их интересы совпали, и с тех пор они стали неразлучны. Чжан Кай постоянно подвергался «экзекуциям» над своими щеками, а Ань Цзыцзэ втайне мучился от ревности и гнева, сам не понимая, что с ним происходит.

Глава 25. Неосознанность

Дни шли своим чередом. Бай Цинь, отправившаяся в путешествие, кажется, попала в некую ситуацию и начала новые отношения. Фан Цзинь посчитал, что всё идет своим чередом, и решил не вмешиваться: любовь — дело двоих, и лишние вопросы тут ни к чему.

Закусочная продолжала работать, он по-прежнему ходил в столовую. Однако благодаря его привлекательной внешности руководство решило поставить его на раздачу еды, а не прятать на кухне. Решение оказалось верным — поток посетителей резко возрос.

Быть красивым — это выгодно. Зарплата Фан Цзиня в столовой даже увеличилась.

Но как бы Фан Цзинь ни избегал главной героини, встреча была неизбежна — причем самая что ни на есть банальная. Когда Фан Цзинь шел в свою закусочную и поворачивал за угол, они столкнулись. Он тут же хотел развернуться и уйти, но героиня крепко схватила его за руку:

— Это ведь ты?

Фан Цзинь не хотел признаваться — такая пронизательность была ему ни к чему.

— Вы ошиблись.

Стоило ему коснуться героини, как чувства прежнего владельца тела хлынули потоком. Это было странное сочетание желания приблизиться и страха, приправленное затаенной ненавистью. Ненавистью, которую он осознал лишь после смерти, в спокойном состоянии, поняв, что всё это напрямую связано с ней.

Если говорить прямо, когда прежний владелец безумно преследовал её, она не возражала — он был для неё лишь ступенькой, готовой помочь во всем, но она никогда не уважала его. И одного этого было достаточно, чтобы вызвать у Фан Цзиня отвращение.

Не было никаких доказательств, что перелом ноги прежнего владельца связан с ней, но одного её потребительского отношения было достаточно, чтобы Фан Цзинь возненавидел её. Да, прежний владелец пренебрегал своей матерью, но он никогда не водился с хулиганами и не искал неприятностей.

— Прошу прощения, я спешу, — сказал он и ушел.

Прежний владелец испытывал ненависть от безответной любви и предательства, но нынешний Фан Цзинь оставался к ней абсолютно равнодушен. А значит, не нужно было ни в чем разбираться и ни во что впутываться.

Глядя на его решительную спину, Вэнь Цзе с досадой топнула ногой, пробормотала что-то себе под нос и тихо пошла следом. Фан Цзинь знал, что она идет за ним, но не хотел обращать

внимания. Он ведь не был тем прежним парнем и не мог позволить себе таких бурных чувств. Всё, чего он хотел — это тихой, спокойной жизни, маленького уютного огонька... Это было его единственное желание.

Фан Цзинь не знал, что из-за того, что Сюй Чу перестал ходить в бары, Вэнь Цзе до сих пор с ним не встретилась, хотя и продолжала там околачиваться. Их роман затянулся на несколько месяцев. В оригинальном сюжете она встретила Сюй Чу через пару дней после поступления, а вскоре познакомилась и с остальными красавцами.

Интерес Вэнь Цзе к Фан Цзиню проявлялся всё сильнее. Она не только притворялась, что они близко знакомы, но и распускала о нем небывшие, которые заставляли чье-то сердце сжиматься от боли — боли, природу которой этот человек не мог понять.

Фан Цзинь потер виски. Эта героиня была слишком навязчивой. В его глазах она была маленьким назойливым демоном, который жаждал выпить его кровь и съесть плоть. Обычный человек может возвыситься благодаря влиятельной особе, но гордый человек может разрушить свою жизнь из-за подлеца. Оставалось надеяться, что этот человек — не подлец.

Спустя несколько дней, видя, что Фан Цзинь никак не реагирует, Вэнь Цзе потеряла интерес. Она не собиралась унижаться, да и этот парень оказался совсем не богат.

Наконец, когда героиня перестала его преследовать, Фан Цзинь вздохнул с облегчением. У неё была сильная удача — это было ясно хотя бы по тому, что она получила возможность учиться здесь. Но это не значило, что она получит всё лучшее в мире. В сюжете она сошлась с Сюй Чу во многом благодаря собственным расчетам. Сюй Чу был легкомысленным и немного глупым, но не злым человеком. Если она будет с ним, то, возможно, и не пострадает слишком сильно.

Но стоило ей позариться на чужое богатство и власть, связавшись с тем, кто замышляет зло, как ей не поздоровится.

Фан Цзинь долго колебался, но всё же купил анонимную сим-карту. Через Сяо Чжа он узнал номер героини и отправил сообщение — своего рода предупреждение. Теперь его совесть была чиста. Сразу после этого он выбросил карту: он не хотел, чтобы она снова начала его преследовать.

— Хо-хозяин?

— Что?

Сяо Чжа нерешительно произнес:

— Хозяин, я вам надоел?

Надоел?

— Не сказал бы.

— Но... но... — в голосе Сяо Чжа слышались всхлипы. — Хозяин всегда игнорирует меня, не разговаривает со мной. Мне так одиноко... Когда-то меня уже запирали в черной комнате, где не было ни звука, ни людей. Мне страшно, у-у-у...

Фан Цзинь нахмурился. Похоже, он действительно был прав.

— Чего ты хочешь, Сяо Чжа?

— А... у-у... не знаю, но я не могу без хозяина.

— Хорошо, я обещаю: пока ты сам не решишь уйти, я тебя не брошу.

— У-у? — удивление.

Хозяин такой добрый! Сяо Чжа обязательно будет хорошо себя вести...

Фан Цзинь получил порцию искренней благодарности. Он с облегчением улыбнулся и открыл страницу Системы. Накопленные очки заслуг — чуть больше трех тысяч — уже были переведены в Золотые монеты. Но Фан Цзинь втайне копил Удачу, и это осталось незамеченным. Он чувствовал, что стал намного удачливее: иногда даже выигрывал в лотерею ровно столько, сколько тратил на билет. Это было не слишком заметно, но Фан Цзинь был доволен. Он знал, что движется в верном направлении, и теперь хотел лишь одного — обеспечить свою безопасность. Это не эгоизм, а основа выживания. Работать на других не значит продавать себя.

<http://bllate.org/book/22173/2309938>